

Александр Грин

Маленький заговор

Александр Грин
Маленький заговор

«Public Domain»

1909

Грин А. С.

Маленький заговор / А. С. Грин — «Public Domain», 1909

«— Садитесь, поговорим, – ласковым голосом сказал Геник, подвигая стул очень молодой девушке, на вид не старше семнадцати лет. – Мне поручено объясниться с вами и, что называется, – во всех деталях. Гостя застенчиво улыбнулась, села, оправляя коричневую юбку тонкими, слегка задрожавшими пальцами, и устремила на Геника пристальные большие глаза, темные, как вечернее небо. Геник мысленно побарабанил пальцами, оседлал другой стул и спросил...»

Содержание

I	5
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Степанович Грин

Маленький заговор

I

– Садитесь, поговорим, – ласковым голосом сказал Геник, подвигая стул очень молодой девушке, на вид не старше семнадцати лет. – Мне поручено объяснить с вами и, что называется, – во всех деталях.

Гостья застенчиво улыбнулась, села, оправляя коричневую юбку тонкими, слегка задрожавшими пальцами, и устремила на Геника пристальные большие глаза, темные, как вечернее небо. Геник мысленно побарабанил пальцами, оседлал другой стул и спросил:

– Как меня нашли?

– Я вас отыскала скоро... Хотя вы живете в таком глухом углу... Я даже улицы такой раньше не знала.

– Улицу эту выстроили специально для меня! – пошутил Геник. – Смею вас уверить.

– Еще бы! – слабо улыбнулась она. – Для нас с вами другие места приготовлены.

– Каркайте, каркайте... Что же – улицу через прохожих отыскали?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Нет, – поспешно сказала она, – мне объяснил Чернецкий, что улица эта выходит в числе прочих на Армянскую. Я ее всю и прошла, в самый конец.

Геник сделал серьезное лицо.

– Это хорошо! – заявил он, одобрительно кивая. – Всегда нужно стараться как можно меньше расспрашивать прохожих. Особенно в деле особой важности.

Девушка с уважением окинула глазами небрежно оседлавшую стул, худую и коренастую фигуру Геника. Даже и эту тонкость он считает важной – должно быть, замечательный человек.

– Ваше имя – Люба? – спросил юноша.

– Да.

Наступило короткое молчание. Девушка рассеянно оглядывала комнату, пустую и неуютную, где, кроме пунцовой розы, алевшей на столе в дешевом запыленном стакане, не на чем было остановиться и отдохнуть глазу. В широкое, настежь открытое окно, вместе с теплым ветром и шелестом цветущей черемухи, плыл солнечный свет, щедро заливая грязные обои голых стен пыльно-золотистыми пятнами, на фоне которых, беззвучно и неуловимо, как ночные бабочки в свете лампы, – трепетали мелкие, пугливые тени ветвей и листьев, глядевших в окно.

Стол был пуст – ни книг, ни брошюр. Видимый печатный материал валялся на полу, в образе скомканной газеты. В углу – чемодан, койка более чем холостого вида и тяжелая дубовая трость. Зато пол был щедро усеян окурками и спичками.

– Нам, пожалуй, серьезно придется сейчас беседовать... – сказал Геник, рассматривая девушку. – Вы, конечно, против этого ничего не имеете?

Люба расширила глаза и нервно повела плечами. Странно даже спрашивать об этом.

– Что же я могу иметь? – тихо и вопросительно проговорила она. – Чем серьезнее, тем лучше.

Последние слова прозвучали просьбой и, отчасти, задором молодости. Лицо Геника стало непроницаемым; казалось, оно потеряло всякое выражение. Он сильно затянулся папирсой, окружая себя голубыми клубами дыма, и сказал уже совсем другим, твердым и отчетливым голосом:

– Хорошо.

Люба ждала, молча и неподвижно. Глаза ее прямо, с покорностью ожидания, смотрели на Геника.

– Хорошо! – повторил он медленнее и как бы в раздумье. – Так вот что, Люба, для удобства и большей продуктивности разговора, мы сделаем так: я буду спрашивать, а вы отвечать... Идет?

– Все равно, – сказала девушка, напряженно улыбаясь. – Это как на допросе.

– Ну, да... Видите ли – это, по некоторым соображениям, важно для меня.

Люба молча кивнула головой.

– Да. Так вот: скажите, пожалуйста, – сколько вам лет?.. Это нескромно, но, надеюсь, вам не более двадцати, так что, – мы, конечно, не рассоримся.

– В августе будет восемнадцать... – слегка покраснев, сказала девушка.

– А что?

– Хм...

Новые клубы дыма и новый окурок на полу. Геник достал и зажег свежую, третью по счету, папиросу.

– Я так боялась этого! – тихим, срывающимся голосом заговорила Люба, и ее лицо, правильное и нежное, внезапно покрылось розовыми пятнами. – Того... что... может быть... моя молодость... может там... помешать, что ли... но...

Геник досадливо махнул рукой.

– Что молодость? – с неудовольствием перебил он. – Не в молодости дело... А в вас самих... Но, однако, мы уклонились... Скажите – сколько человек в вашем семействе? И кто они?

– Четверо, – неохотно, удивляясь тому, что ее спрашивают о таких, совершенно посторонних вещах, сказала девушка. – Мама... я... папа, потом сестры две...

– Старше вас?

– Нет... где же старше... Еще гимназистки...

– И вы ведь, Люба, учились в гимназии?

– Я? Училась...

– Д-аа... – Геник вздохнул и уставился через открытое окно в сад: – Все мы вкушали когда-то от этой премудрости. У меня есть братишка, маленький глупый человек. Так вот он пришел однажды из класса и начал с чрезвычайно сосредоточенным и мрачным видом колотить ногами о дверь. Я его и спрашиваю: «Ты, Петька, что делаешь?» А он скорчил свирепое лицо и говорит: «Прах от ног своих отрясаю».

Люба задумчиво улыбнулась, не сводя с Геника больших, наивно-серьезных глаз, и медленно наклонила вперед голову, как бы приглашая говорить дальше. Геник обождал несколько мгновений и перешел в деловой тон.

– Ко мне вас направил Чернецкий? – спросил он, сосредоточенно грызя ногти.

– Да...

– Он рассказал мне о вас все! – заявил Геник, отрываясь взглядом от ровного, чистого лба девушки. – По общему мнению... у нас, видите ли, было совещание... вам решено не препятствовать и... помогать...

Люба заволновалась и нервно покраснела до корней волос. Краска быстро залила маленькие уши, высокую, круглую шею и так же быстро отхлынула назад к сильно забившемуся сердцу.

Она так боялась, что ее заветная мечта не исполнится. Но грозный момент, очевидно, придвигался и теперь стал перед ней лицом к лицу в этой убогой, обыкновенной на вид и жалкой комнате.

Геник встал, шумно отодвинул стул и зашагал от стола к двери. Люба механически следила за его движениями, желая и не решаясь спросить: что дальше?

– Не связаны ли вы с кем-нибудь? – быстро и немного смущаясь, спросил Геник. – Нет ли для вас чего-нибудь дорогого?.. Семья, например... – Он не пожалел о своих словах, хотя мгновенная неловкость и боль, сверкнувшие в глазах девушки, сделали молчание напряженным. Геник повторил, тихо и настойчиво:

– Так как же?

– Я, право... не знаю... – с усилием, краснея и ежась, как от холода, заговорила она. – Нужно ли это... спрашивать... Я же сама... пришла.

– Вы вправе, конечно, недоумевать, – сказал, помолчав, Геник, – но, уверяю вас... Хотя, впрочем... Вам отчего-то трудно говорить об этом... хорошо, но скажите мне, пожалуйста, только одно: у вас нет близкого человека, кроме... ваших родных?

Он остановился посередине комнаты, ожидая ответа с таким видом, как если бы от этого зависело все дальнейшее течение дела. Люба подняла на него растерянный взгляд, снова покраснела и смешалась. По дороге сюда мечталось о чем угодно, кроме этого непонятного и мучительного вопроса.

– Я потому спрашиваю, – сказал Геник, желая вывести девушку из затруднения, – что нам нужно знать, будет ли у вас кому ходить в тюрьму, в случае... Если «да», то кивните, пожалуйста, головой.

Кивок этот, хотя Люба его и не сделала, он угадал по опущенным, неподвижно застывшим ресницам. Через мгновение она снова подняла на него свои темные, с ясным голубым отливом глаза.

Ветер мягко стукнул оконной рамой и шевельнул брошенную на пол газету. Геник подошел к окну и сейчас же отошел прочь. Люба вздохнула, нервно стиснула хрустнувшие пальцы и выпрямилась.

– Так, значит, вам не жалко жизни? – равнодушно, полуспрашивая, полуутверждая, сказал Геник. – А?

Люба облегченно рассмеялась углами рта. Слава богу, – вопросы о домашних делах покончены. Хотя странный, немного торжественный в своем равнодушии тон Геника по-прежнему держал ее настороже... Она отбросила за ухо темные непокорные волосы и сказала:

– Как жалко? Я не знаю... А вам разве не жалко?

Девушка нетерпеливо задвигалась на стуле, и меж тонких бровей ее мелькнула легкая, досадливая складка. Если Геник желает болтать, может выбрать другое место и время. А ей тяжело и совсем не до разговоров.

Он же, казалось, вовсе не спешил удовлетворить ее нетерпение. Широкая спина Геника неподвижно чернела у окна, загораживая свет, и только дым шестой папиросы, улетающая в сад, показывал, что это стоит живой, задумавшийся человек.

В комнате напряженно бились две мысли, и маятник дешевых настенных часов, казалось, равнодушно отбивал такт неясным, упорным словам, таинственно и быстро мелькавшим в мозгу. Наконец Геник отошел в глубину комнаты, снова уселся верхом на стул и спросил громким, неожиданно резким голосом:

– Твердо решаетесь?

– Да! – безразлично, с поспешностью утомления сказала девушка.

Глаза ее встрепенулись и загорелись. Казалось – новая волна внутреннего напряжения поднялась в этот пристальный, ждущий взгляд и нервным толчком хлестнула в лицо Геника.

– Теперь вот что... – заговорил он, смотря в сторону. – Вы, значит, поедете за сто верст отсюда в ***ск...

Лицо Любы отразило глубокое недоумение.

– Простите, я не понимаю... – нерешительно сказала она, понижая голос.

– Ведь... Мне Чернецкий сказал, что все здесь... что все готово и... завтра вечером... Также, что от вас я узнаю все инструкции и получу...

Геник с досадой бросил папиросу.

– Вы слушайте меня! – резко, почти грубо перебил он и, заметив, что Люба вспыхнула, добавил более мягко: – Положение изменилось. Фон-Бухель уехал сегодня утром и приедет только через месяц.

Девушка молча, устало кивнула головой.

– Этот месяц вы проживете там и будете держать карантин. Что такое карантин – вы знаете или нет?

– Да, я слышала что-то... изоляция, кажется?

– Вот... Жить будете по чужому паспорту... Я вам его сейчас дам. Никаких знакомств. Переписываться нельзя...

– А если...

– Постойте... Вот вам адрес; запомните его и не записывайте ни в каком случае: Тверская, дом 14, квартира 15. Марья Петровна Кунцева.

Она подняла глаза к потолку и по гимназической привычке зашевелила губами, стараясь запомнить. Потом слабо улыбнулась и сказала:

– Ну, вот. Готово...

– Прекрасно, Люба. Так вот, я даже не буду вас наставлять разным конспиративным тонкостям. Там вам все расскажут, устроят и прочее. Приехав, вы скажете лично, самой Кунцевой, следующее: «Я от Геника».

– «Я от Геника», – с уважением к человеку, имя которого отворяет двери, прошептала девушка. – Только... ради бога... зачем я должна ехать?

– Видите ли, – с сожалением пожал плечами Геник, – так решено комитетом... Вы здешняя, и всякие следы ваших с нами сношений должны быть уничтожены. Поняли?

– Да. – Люба весело кивнула головой. – Значит, все-таки выйдет. Я так счастлива...

Геник неопределенно крякнул и хотел сказать что-то, но раздумал. Глаза девушки, блестящие странным, тихим светом, удержали его.

– Поезд идет сегодня вечером в 10 часов, – сказал он, помолчав, усталым и решительным голосом. – Видеться вам с кем-нибудь перед отъездом решительно нет никакой необходимости...

– Так сегодня? – удивилась Люба. – Так скоро?..

– Ну, вот что! – рассердился Геник. – Если вы хотите, то знайте, что от того, уедете ли вы сегодня или нет – зависит все... Я вам сказал.

– Я еду, еду! – поспешно, с растерянной улыбкой сказала девушка. – Хорошо...

Наступило молчание. Портсигар Геника опустел. Он с треском захлопнул его и встал. Люба тоже встала и сделала движение к столу, где лежала ее шляпа.

– Постойте! – вспомнил Геник. – А деньги? Вот, берите деньги.

Он вынул кошелек и протянул, не считая, несколько бумажек. Девушка спокойно спрятала их в карман. Она брала их не для себя, а для «дела».

– Вот и паспорт...

– Спасибо... вам...

Голос ее слегка дрогнул, а затем Люба сделала маленькое усилие, сжала губы и спокойно посмотрела на Геника.

Нет, он решительно не в состоянии выносить этот напряженный голубой взгляд. Стукнуть стулом, что ли, или прогнать ее? Геник деланно зевнул и сказал, холодно улыбаясь:

– Ну, вот и все. Так идите теперь и... постарайтесь не опоздать на поезд.

– Спасибо! – повторила девушка и, схватив тяжелую руку Геника, слабо, но изо всех сил стиснула ее маленькими, теплыми пальцами.

– Ну, что там! – пробормотал Геник, опуская глаза и чувствуя, что начинает злиться. – Всего хорошего...

Люба направилась к двери, но у порога остановилась, провела рукой по лицу и спросила:

– А... как вы думаете... удастся... или нет?

– Удастся! – резко крикнул Геник, толкнув ногою стул так, что он перевернулся и с треском ударился в стену. – Удастся! Вас избьют до полусмерти и повесят... Можете быть спокойны.

Он поднял злые, заблестевшие глаза и встретился с грустным, сконфуженным взглядом. Люба не выдержала и отвернулась.

– Мне не страшно, – услышал Геник ее слова, обращенные скорее к себе, чем к нему. – А вы, кажется, в дурном настроении.

Он стоял молча, засунув руки в карманы брюк и разглядывая носки своих собственных штиблет с упорством помешанного. Люба подошла к двери, открыла ее и, уходя, бросила последний взгляд на мрачную фигуру.

Теперь глаза их снова встретились, но уже иначе. Геник улыбнулся так ласково и задушевно, как только мог. Что-то ответное тепло и просто блеснуло в лице девушки. Она тихо, молча поклонилась и ушла, небрежно встряхнув длинной, русой косой.

II

Когда стало темнеть, Чернецкий зажег лампу и посмотрел на часы. Было ровно десять. С минуты на минуту должен придти Геник: он аккуратен, как аптечные весы, между тем никого еще нет. Это довольно странно. Шустеру и другим следовало бы знать, что дело касается всех.

Он хотел еще как-нибудь, сильнее выразить свое неудовольствие, но в этот момент пришел Маслов. Скинув летнее пальто и шляпу, Маслов осторожно погладил свою черную, иноческую бородку, прошелся по комнате, нервно потирая руки, и сел. Чернецкий вопросительно посмотрел на него, удержал беспричинную, судорожную зевоту и выругался.

– Что такое? – тихо спросил Маслов.

Голос у него был грудной, но слабый, и каждое слово, сказанное им, производило впечатление замкнутого, трудного усилия.

– Не люблю опозданий! – ворчливо заговорил Чернецкий. – Это провинциализм и, кроме всего, – неуважение к чужой личности.

– Что же, – меланхолично заметил Маслов, – ведь Геника еще нет. К тому же публика стала осторожнее, избегает, например, подходить кучкой.

– Все равно... Чаю хотите?

– Чаю! – вздохнул Маслов, отрываясь от своих размышлений. – Что? чаю? Ах, нет... Сейчас нет... Разве, когда все...

– Вы о чем, собственно, думаете-то? – громко спросил Чернецкий, вставая с дивана и усаживаясь против товарища. – А?

Маслов сморщил лоб, отчего его бледное, цвета пожелтевшего гипса, лицо приняло старческое выражение, и рассеянно улыбнулся глубокими, черными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.